

Судьбы традиционных конфессий после революции

Согласно декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви...», в Омске 2 февраля 1918 г. большевики потребовали передать в их распоряжение здание, дела и имущество духовной консистории, а также архиерейский дом для размещения в нем своих учреждений. Верующие попытались противостоять произволу. На Соборной площади начался митинг, разогнанный солдатами. На собрании омского духовенства было принято решение ходатайствовать перед епископом Омским и Павлодарским Сильвестром (И. А. Ольшевский), который в это время находился в Петропавловске, об устройстве общегородского крестного хода. Вернувшись 3 февраля, владыка одобрил идею и послал военному коменданту письменное уведомление о крестном ходе 4 февраля, понимая, что разрешение все равно не будет получено.

В воскресенье, 4 февраля, на литургии в Успенском кафедральном соборе епископ Сильвестр прочитал послание Патриарха Московского и Всея Руси Тихона, в котором происходившие события расценивались как жесточайшие гонения на Церковь, и дал разъяснения. Затем было совершено молебствие на площади перед собором, куда со всех церквей города сошлись крестные ходы. После молебствия единый крестный ход, возглавленный владыкой, обошел практически все городские церкви, у каждой из которых совершались лития, дойдя до Никольского казачьего собора.

В ночь с 5-го на 6-е февраля красновардейцы, ворвавшиеся в архиерейский дом, убили келейника и эконома епископа Николая Цикуру. Епископ Сильвестр, с 1915 г. возглавлявший епархию, был арестован и посажен в общую комнату, где уже находились протоиерей А. Соловьев и ключарь собора Ф. Чемагин. Звонарь Успенского собора созывал прихожан колокольным звоном, пока не был ранен. На всех церквях зазвонили в колокола, горожане заполнили улицы и площади, требуя освобождения епископа. Но 7 февраля Сильвестр провел в заключении, а 8-го к 12 часам был освобожден, дав подписку о невыезде.

Ночью 19 февраля казаками отряда атамана Б. В. Анненкова из Никольского казачьего собора были взяты знамена дружины Ермака и времен Петра I, георгиевский крест генерала Г. А. Колпаковского.

В событиях февраля 1918 г., связанных с протестом против введения декрета об отделении церкви от государства, принял участие приход Параскевиевской церкви, ее настоятель Петр Савкин был арестован и заключен в тюрьму.

В мае 1918 г. патриарх Тихон возвел епископа Омского Сильвестра в сан архиепископа; его избрали председа-

телем Временного церковного управления Сибири и Урала, образованного в Томске Всесибирским соборным совещанием из 13 архиереев и 26 членов Поместного собора. На территориях, занятых белыми, был отменен декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», церкви были возвращены земли, в школах восстановлено преподавание Закона Божьего.

11 августа 1918 г. архиепископ Сильвестр принял участие в похоронах епископа Тобольского Гермогена, утопленного в июне во время красного террора в р. Туре, и произнес речь на его могиле.

В гражданскую войну большая часть духовенства Омска поддержала белое движение. В это время в городе находились православные митрополиты и епископы Казанский, Самарский, Симбирский, Чебоксарский и другие иерархи. Среди духовенства, попавшего в Омск, был и епископ Андрей (князь А. А. Ухтомский – член Святейшего Синода, Предсоборного Совета, Священного Собора Российской православной церкви 1917–1918 гг. С осени 1918-го по 1919 г. он окормлял (окормлять – управлять, наставлять, руководить. – *Ред.*) духовенство 3-й армии адмирала А. В. Колчака, в ноябре 1918 г. был избран членом Высшего временного церковного управления на Сибирском церковном совещании в Томске. В 1919 г. вышел из состава правительства адмирала А. В. Колчака. (После множества арестов, тюрем и лагерей был расстрелян в Ярославле в сентябре 1937 г.)

В начале 1919 г. архиепископ Сильвестр привел к присяге восстановленный в Омске Правительствующий Сенат и Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. В апреле газета «Сибирская речь» сообщала о крестном ходе с иконой от Успенского собора к дому Верховного правителя России. Владыка произнес противобольшевистскую речь и внес икону в резиденцию правителя. В этом же месяце он благословил высшие чины Министерства иностранных дел Колчака иконой Иверской Божьей Матери. Со второго дня праздника Рождества Христова 1919 г. в Омске открылись богословские чтения с участием архиерейского и городских церковных хоров. Первая лекция «О личном начале в человеке и о нравственном его значении» была прочитана архиепископом Сильвестром. 12 января на торжественном собрании выпускников высших учебных заведений владыка выступил с речью, в которой указал на то, что большевики направили свои разрушительные стремления в область духовной и религиозной культуры. Архиепископ говорил об увиденных им разрушениях в Кремле, сносе и осквернении храмов, зверски замученных 20 епископах и тысяче священнослужителей...

13 апреля 1919 г. в Никольском храме состоялась панихида по генералу Л. Г. Корнилову, погибшему в апреле 1918 г. под Екатеринодаром. Служили панихиды по убиенным священникам и прихожанам и в Успенском соборе, например, 1 июня была совершена панихида по погибшим от красного террора 23 самарцам. Летом 1919 г. в Никольском казачьем и Успенском кафедральном соборах совершались епископские хиротонии (рукоположения), т. е. посвящения в сан священнослужителя, на которых присутствовал сам А. В. Колчак.

После ухода белых из Омска 1 (14) января 1920 г. архиепископ Сильвестр успел обнародовать Богоявленское послание, в котором говорил о «долге законного подчинения» «народно-государственной советской власти» и призывал к этому священнослужителей и прихожан. Вскоре он был арестован и после нескольких месяцев заключения погиб в тюрьме. В помяннике монахинь Казанского монастыря указана дата его смерти – 6 февраля 1920 г. (Архиерейским собором Русской православной церкви в 2000 г. священномученик Сильвестр был прославлен в лике новомучеников и исповедников российских с общецерковным почитанием). После кончины архиепископа Сильвестра Омско-Павлодарской епархией управляли два викарных епископа – Мефодий (Красноперов) и Киприан.

Если с 1795-го до 1911 г. – период становления Омской епархии, с 1911-го по 1920 г. – время ее наиболее динамичного развития и подъема, то 1920–1937 гг. – третий, трагический период ее жизни, сопровождавшийся национализацией культовых зданий, уничтожением предметов религиозного культа, закрытием и разрушением церквей, усложнением процедуры регистрации приходов,

репрессиями по отношению к верующим и к духовенству. В 1920 г. в Омске был закрыт епархиальный совет, хотя в Омской губернии было 399 действующих церквей.

В 1920–1922 гг. епископом Омским, затем архиепископом был Димитрий (Д. Н. Беликов, 1852–1932), заслуженный профессор богословия Томского университета, историк церкви в Сибири, настоятель Богородице-Казанской университетской церкви. В 1920 г. большевики потребовали от него передать в их распоряжение здание, дела и имущество духовной консистории, а также архиерейский дом, в котором сначала разместили психиатрическую больницу, а затем Чрезвычайную комиссию с внутренней тюрьмой (в 1930-е гг. в здании находилось Управление охраны общественного порядка. Шатер над крестовой церковью снесли, заменив куполом и водрузив над ним красный флаг. В 1935 г. началась перестройка архиерейского дома и консистории в большое трехэтажное здание Управления Наркомата внутренних дел в стиле сталинского ампира).

К 1922 г. в Сибири были закрыты домовые и ведомственные храмы, национализированы культовые здания. Так, в Омске в начале 1920 г. отделу социального обеспечения был передан Михайло-Архангельский женский монастырь на Тюремной улице (современная ул. 5-й Армии) для размещения детского дома-распределителя. Но Георгиевский храм (церковь во имя Георгия Победоносца) оставался действующим. С ним связаны последние годы жизни священника П. П. Введенского. В марте 1921 г. была закрыта Скорбященская церковь. Здание использовалось как госпитальный склад, колокольня, купол и шатры были снесены. Вследствие того что Серафимо-Алексиевская часовня была приписана к Скорбященской церкви военного

Дом правопорядка
(бывший архиерейский дом).
Фотография 1920-х гг.
из фондов ГУИСА

госпиталя, закрытой в соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства», она, вероятно, перестала быть действующей в начале 1920-х гг. (снесена часовня летом 1927 г.).

Но даже в этих тяжелейших условиях церковь не оставляла свою паству. Ежедневно утром и вечером осуществлялись службы в Покровской церкви, хотя из духовных лиц были только священник М. И. Сороколетов и псаломщик И. В. Обогрелов. В праздники храм посещало от 100 до 500 чел. С приходом 12 августа 1924 г. отца Амфилофия (А. К. Горизонтов) Покровская церковь превратилась в религиозно-просветительский центр. С 8 марта по 26 апреля 1925 г. в храме проводился цикл бесед о богопознании. Через год эти беседы повторились, в марте 1926 г. они были совмещены с выступлением любительского хора.

После гражданской войны большинство служителей религиозных культов были вынуждены заявить о своей лояльности по отношению к советскому государству. Но тем не менее 15 августа 1920 г. в Омске было «муниципализировано» здание кирхи, 28 сентября 1921 г. евангелическо-лютеранская церковь вместе с имуществом была передана в аренду общине верующих, состоявшей из 45 прихожан. Было национализировано и здание костела, теперь община католиков арендовала его.

Молитвенный дом Омской общины евангельских христиан-баптистов, являвшийся центром баптистского движения в Сибири, с первых дней советской власти становится очагом миссионерской деятельности баптистов. 21 сентября 1920 г. принято постановление «О передаче чрезвычайной жилищной комиссии помещения в д. № 1 по Омской ул., занятого молитвенным домом баптистов».

Своеобразие использования здания было связано с арендой его в 1920-е гг. двумя общинами – свободных и союзных баптистов.

В первые годы советской власти в Омске по-прежнему существовало две синагоги, которые с принадлежавшими им домами были «муниципализированы» 14 и 15 марта 1921 г. (в 1927–1928 гг. в общине новой синагоги состояло 87 (80) чел., старой – 108).

В феврале 1923 г. Совнаркомом РСФСР был издан декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих крестьян Поволжья. Для реализации декрета в Омске создали губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей. Ее председатель вызвал к себе священников и церковных старост Успенского, Никольского казачьего соборов и Пророко-Ильинской церкви и стал убеждать добровольно отдать церковные ценности. Архиепископ Димитрий вынужден был, чтобы не вызывать волнений среди церковнослужителей и прихожан, опубликовать послание, в котором говорилось о том, что правительственное решение, как и любой закон, «подлежит незамедлительному, беспрекословному исполнению». Димитрий обращался «с архипастырской просьбой отнестись к делу исполнения... мероприятия с должным и необходимым спокойствием...». В Сибири было собрано в помощь голодающим два пуда золота (пуд – 16,38 кг), 622 пуда серебра, золотые и серебряные монеты на многие десятки тысяч рублей. В Омске только серебра было изъято более 30 пудов. Из Покровской церкви 12 мая 1922 г. были изъяты чаша серебряная, дискос, звезда, лжица, две тарелки, ковш, Евангелие, подставки и другие предметы, всего – 10 фунтов 53 золотника (4 кг 431 г). В 1923 г. было произведено

Участники съезда Сибирского союза евангельских христиан-баптистов у молитвенного дома омской общины. 1926. Из архива церкви ЕХБ

очередное «изъятие ценностей в пользу голодающих» в Никольском казачьем соборе. 28 марта 1924 г. там вновь забирали «излишки». Обычные воры похищали мелкие вещи, а государство изымало ценности, например большое Евангелие в серебряном окладе было оценено всего в 100 руб., а речь, вероятно, шла о Евангелии, стоившем еще в 1830-х гг. 1 тыс. руб.

В начале 1920-х гг. не без помощи Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) было создано церковное течение «Живая церковь», переименованное потом в обновленчество (выступали против монастырей, выбора архиереев из монашествующих и единобрачия духовенства). В 1922 г. после ареста патриарха Тихона в Томске было образовано Сибирское управление во главе с томским священником Петром Блиновым и там состоялся съезд обновленческого духовенства Сибири. Настоятель Богородице-Братской церкви протоиерей И. Никифоров, съездивший по поручению омского священства в Москву, рассказал настоятелям омских церквей о трех течениях в Москве и предложил поддержать одно из них, возглавлявшееся епископом Антонином Грановским. Это была самая умеренная группировка «Живой церкви». Однако вскоре приехавший в Омск обновленческий епископ Петр Блинов все приходы приписал к «Живой церкви». В этой обстановке архиепископ Омский Димитрий призвал верующих отойти от политической борьбы. В 1922 г. возникли проблемы с регистрацией «Общины христиан православного исповедания при Омском Никольском соборе» и предоставлением помещения общине, так как живоцерковники пытались взять в аренду все церкви города, а местное политическое руководство поддерживало эту группу. Регистрация общины (а в ней было всего 119 чел.) стоила около 10 тыс. руб., собрать которые прихожане, естественно, не смогли.

28 мая 1924 г. решением губисполкома «ввиду наличия наиболее полных гарантий выполнения условий договора обществом обновленческого движения, набравшего необходимое число подписей», Никольский собор был передан живоцерковникам (в сентябре 1928 г. выяснилось, что в церкви устроен притон: все изорвано, поломано, разбросано, разграблено).

Процесс закрытия церквей упорядочивался постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) «О порядке расторжения договоров и закрытия храмов» от 28 марта 1923 г., дополненным совместной инструкцией наркоматов внутренних дел и юстиции «О порядке регистрации религиозных обществ» от 27 апреля. Согласно этим установлениям, наряду с «двадцатками» – религиозными группами, которые могли существовать, только оформив аренду молитвенных зданий, появились религиозные общества – «пятидесятки». Во многих городах положение о религиозных обществах

было воспринято местными органами как желательное, вследствие чего производилась насильственная перерегистрация групп в общества. Например, отделом управления уездного исполнительного комитета (отуправа) Ново-Омска было издано положение, по которому число подписавшихся должно быть не менее 500 чел. В противном случае общества не регистрировались и договор не заключался.

Но до августа 1923 г. ни одного православного общества зарегистрировано не было. Во многом это объясняется положением, по которому губернская управа по вопросам регистрации была «обязана испрашивать в секретном порядке предварительное заключение ГПУ» (Государственное политическое управление). В начале июля отуправа известила ГПУ, что «ввиду категорического указания центра не чинить препятствия к регистрации религиозных обществ» оно будет вынуждено отказаться от запрашивания отзыва. Благодаря покровительству властей, живоцерковники смогли к этому времени почти во всех церквях организовать свои общины. Там же, где общины и приходские советы были из староцерковников, живоцерковники пытались при помощи отуправы поставить во главе прихода священника-обновленца.

В 1923 г. в Свято-Троицкой церкви служил обновленческий протоиерей Александр Добролюбов. Вскоре его перевели в другой приход, но церковь осталась у обновленцев. Она упоминается в деле Покровской общины; 23 августа 1927 г. в ней, по официальным данным, числилось 720 прихожан-обновленцев (в 1930 г. церковь была закрыта, так как обычно обновленческие общины были фиктивными и переданные им храмы пустовали).

После отъезда архиепископа Димитрия Омская епархия до осени 1924 г. оставалась вдовствующей. Конечно, кто-то и как-то ею управлял, но надежной информации об этом нет. За 1924 г. на омской кафедре сменилось четыре архиерея – епископы Виссарион (В. П. Зорин), Иоанникий (Соколовский), Алексей (С. В. Буй) и архиепископ Анатолий (А. В. Каменский). В марте 1925 г. в Омск прибыл архиепископ Виктор (В. С. Богоявленский), именно он много способствовал «вразумлению» перешедших в обновленческий раскол духовенства и верующих.

В 1924 г. прихожане почти всех церквей Омска на общих приходских собраниях вынесли постановления о переходе из обновленчества в тихоновскую группу. В 1926 г. была зарегистрирована как тихоновская община Крестовоздвиженской церкви. В следующем году в ней было 111, а в 1928-м уже 137 прихожан. К тихоновскому течению в православии принадлежала Параскевиевская церковь, число прихожан за 1926, 1927, 1928 гг. было 189, 101, 106 чел. Тихоновской ориентации была община церкви во имя Павла Комельского Чудотворца; с 1926-го по 1928 г. приход храма составлял от 150 до 201 прихожанина. Тихоновская община (176 чел.) была в 1926–1928 гг.

в церкви во имя иконы Божьей Матери Знамение (Знаменской). В середине 1920-х гг. священники Ксенофонт Дюков и Александр Птицин хотели перейти в григорьевскую церковную группировку, но благодаря усилиям архиепископа Виктора и епархиального священства раскола удалось избежать.

Оплотом истинного православия в Омской епархии в 1920–1930-х гг. являлся кафедральный собор епархии – Ильинская церковь. В день Крещения Господня в 1924 г. его священники Александр Соловьев, Петр Олерский и Василий Инфантьев организовали отдельный от обновленцев крестный ход на воду.

На 17 декабря 1926 г. в Омске, население которого (без Ленинска-Омского и Ново-Омска) составляло 115 123 чел., было 22 культовых здания: 14 православных, по одному старообрядческому, католическому и лютеранскому храму, по две синагоги, мечети и молитвенный дом баптистов. Но перечисление общин дает 26 приходов. Под давлением властей неуклонно снижалась численность прихожан; так, во всех православных храмах города она составляла менее 2 200 чел. В 1928 г. тихоновцам принадлежали только 10 приходских храмов, но в них было 2 130 зарегистрированных прихожан; 519 мусульман распределялось по трем приходам. С 1926-го по 1928 г. количество учтенных верующих возросло до 3 462 чел. Три лучшие церкви города (Успенский кафедральный собор, Воскресенский военный и Никольская казачья), отданные обновленцам, пустовали, что привело вскоре к их закрытию. Предоставив обновленцам все возможности, чтобы те могли собственными силами уничтожить независимую тихоновскую церковь, партийно-государственное руководство снова обратило внимание на искоренение религиозных предрассудков.

В деле никольско-казачьей общины Омска передача храма «под культурные нужды» утверждена 10 ноября 1928 г. В этом случае «законность» соблюдалась. В 1927 г. исполнявший обязанности окрпрокурора посылает в окрадмоддел секретный запрос: «Почему расторгнут договор с никольской общиной и ходатайство не рассматривается?» Аргумент в отказе был «веским» – здание не ремонтируется. Ситуация была закономерной, так как настоятель, закрепленный за церковью, обновленец Г. В. Товкачев уведомлял, что община не существует. В октябре 1928 г. тихоновская община из 50 чел. не смогла внести залог в 22 тыс. руб., поэтому помещение церкви ей использовать не разрешили.

Эта история послужила образцом для дальнейшей практики местных органов. На инструктивном совещании начальников райадмодделов в декабре 1928 г. было постановлено «от ремонта церковных зданий воздержаться и требовать такового только от тех общин, здание которых исправить уже не представляется возможным, ввиду максимальной затраты на них средств, коих верующие, благодаря большого их размера, внести не смогут и тем

самым нарушат договор, что является основанием для их закрытия». Так, в «Деле о ликвидации молитвенного здания и церковно-приходского совета Владимирской церкви г. Кировска» (Кировского района) говорится, что храм был закрыт постановлением № 1442 президиума Омского городского Совета от 5 октября 1935 г. Письмо, составленное прихожанами храма, свидетельствует о том, что обязательство о капитальном ремонте церкви было подписано в райсовете под давлением и угрозой, срок ремонта не был указан. Представители райсовета утверждали, что здание может завалиться, но это было абсурдом, так как строительство храма было окончено в 1911 г., а капитальный ремонт сделан в 1930 г.

В середине 1927 г. начальник военного городка, на чьей территории находилась Покровская церковь, обратился в горсовет с просьбой о передаче храма в его ведение, так как якобы церковь поджигали и верующих было всего 10 чел., хотя в общине состояло 480 чел. Президиум горсовета удовлетворил ходатайство. 14 декабря храм был передан 34-му стрелковому полку 12-й им. Сибревкома дивизии. Имущество теоретически передавалось в Воскресенский собор, который тоже был закрыт (4 января 1928 г.), хотя ранее – 24 ноября вышло постановление о передаче имущества в госфонд. 11 января 1928 г. имущество вывезли на десяти подводах в неизвестном направлении.

В борьбу за здание Воскресенского военного собора вступило военное ведомство, требовавшее его под клуб и музей для размещения в нем антирелигиозного и других отделов. В октябре 1928 г. Омский краевой музей создал комиссию для обследования исторического и художественного значения собора, члены которой решили, что, как памятник искусства и старины, крепостной собор должен быть использован под музей, книгохранилище и т. п., но с непременным условием сохранения его наружного и внутреннего вида. Использование собора под клуб или аудиторию не представлялось возможным, так как, помимо причин исторического и художественного характера, он невелик по размерам, плох в отношении акустики и имел ряд других архитектурных неудобств. Но заключение комиссии не было учтено работниками окрисполкома, и горсовет отдал собор военному ведомству для устройства клуба. В конце 1929 г. в нем музей организовал выставку в честь десятилетия освобождения города от армии А. В. Колчака.

Усиление административно-политического воздействия велось не только за счет увеличения ограничений, но и за счет отмены прежних разрешительных законодательных актов. Осенью 1928 г. циркуляром Наркомата внутренних дел № 292 религиозные общества были приравнены в своих правах к группам, теперь их деятельность вновь ограничивалась стенами храма. Удовлетворение любых религиозных потребностей без разрешения окрисполкома вне означенных пределов – собрание приходского совета,

денежный сбор, крестный ход – расценивалось как противозаконное и антисоветское. В январе 1929 г. Политбюро приняло программу по усилению антирелигиозной работы, и в тот же день из секретариата Центрального комитета всем парткомам было разослано циркулярное письмо, в котором «религиозные организации назывались единственными легально действующими контрреволюционными организациями, имеющими влияние на массы». В апреле этого же года местные органы власти впервые получили закон, всесторонне определивший существование религиозных объединений: были внесены пункты об отсутствии прав юридического лица и о запрещении создания касс взаимопомощи.

Постановление «О религиозных объединениях» закрепило положения многих существовавших до этого актов, ужесточив их. Номинально сохранявшиеся религиозные объединения отныне становились «двадцатками» – право образовать группу предоставлялось тем верующим, которые в силу своей малочисленности не могли собрать 20 чел. Религиозным объединениям запрещалось организовывать любые кружки, секции, союзы, группы, проводить собрания, заключать любого рода сделки и договоры, в том числе наем сторожей и производство ремонта. Деятельность священнослужителей ограничивалась стенами храма и местожительством прихожан, в противном случае она рассматривалась как религиозная пропаганда, положение о которой было изъято из Конституции РСФСР. Отныне допускалась только антирелигиозная пропаганда. Западная Сибирь отличалась особым произволом закрытия церквей (в административном порядке без решения населения).

С октября 1929 г. начинается антирелигиозный террор, как во времена «военного коммунизма». При разворачивавшемся «воинствующем безбожии» в существовании антирелигиозной комиссии уже не было необходимости – с ее функциями успешно справлялось исполбюро центрсовета Союза воинствующих безбожников. На своем последнем заседании 4 ноября 1929 г. комиссия приняла решение «запретить совершенно так называемый трезвон во все колокола... Колокола должны быть сняты... для использования в хозяйственных целях». Пленум Омского горсовета принял решение о снятии колоколов и передаче их в фонд индустриализации 23 февраля 1930 г., хотя колокола Никольского казачьего собора уже были сняты месяц назад, и 300 пудов «колокольного звона» отправились на санях в доменные печи сталинской пятилетки.

Но церкви лишались не только колоколов – из храмов изымались и библиотеки. В 1930 г. изымали библиотеку, состоявшую из 464 книг, подшивок журналов и газет «Русская земля», «Степной край», из Параскевиевской церкви; 16 декабря этого же года была сдана государству библиотека исполнительным органом Георгиевской общины.

Вывоз колоколов Никольского казачьего собора. Из фондов ГУИСА. Никольская казачья церковь построена в 1840 г. С 1916-го – собор. В 1928 г. здание передали «под культурные нужды». В 1991 г. оно было возвращено епархии

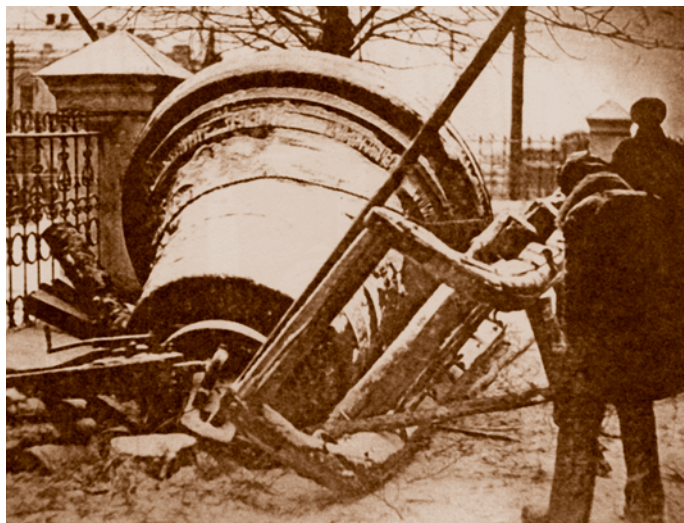
Вскоре церковь была закрыта, с нее сняли купола, снесли колокольню (до 1932 г.). За короткий срок в Омском округе было закрыто 11 церквей.

В марте 1930 г. по решению Сибирского краевого административного управления церковь во имя Казанской Божьей Матери, хотя ее приход был самым большим в Ленинске-Омском и даже в Омске (1927 г. – 788 чел. тихоновской ориентации), закрыли, несмотря на то что здание храма 1921 г. было передано в пользование религиозной общине. Через несколько лет здание храма передали совхозу № 5 под клуб. Колокольню снесли, верхнюю часть здания перекрыли и разместили в ней столовую, которую использовали только в летнее время из-за отсутствия отопления. Затем разобрали барабан и купол.

Церковь во имя Павла Комельского Чудотворца закрыли в начале 1930-х гг. и вскоре снесли. Еще в августе 1927 г. дьякон этой церкви П. И. Скобеев был осужден коллегией ОГПУ по статье 58-10 на год лишения свободы. 28 мая 1931 г. он был повторно осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей и направлен в Мариинский распределитель Сиблага.

В записях краеведа Н. Ф. Чернакова есть информация о сломе в 1936 г. часовни Иверской Божьей Матери и строительстве на ее месте фотоателье.

На рубеже 1930-х гг. была определена участь Ильинского храма. Сначала с колокольни сняли колокола, затем община с февраля 1935 г. не смогла внести высокий налог за аренду земли и храма, и здание было использовано для хранения зерна. В феврале 1936 г. было принято решение о сносе Ильинской церкви под предлогом увековечения памяти А. С. Пушкина, памятник которому хотели

Большой колокол Ильинской церкви.
Фотография 1929 (?) г. из фондов ГУИСА.

Снятие колоколов было первым этапом уничтожения памятника архитектуры и истории XVIII в.

поставить на Ильинской горке. Торжественная закладка памятника состоялась в присутствии всех официальных лиц города. Выступавшие и трудящиеся приветствовали товарища И. В. Сталина, была установлена гранитная глыба с надписью на медной доске «10 февраля 1937 г. здесь заложен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину 1799–1837» (но в 1949 г. установили гипсовый памятник В. И. Ленину, замененный в 1957 г. скульптурой).

С 1929-го по ноябрь 1930 г. Омскую кафедру занимал епископ Аркадий (в миру – А. П. Ершов), затем очень недолго (по июль 1931 г.) Омско-Павлодарскую кафедру занимал епископ Герман (Г. А. Коккель). Столь частые перемещения епископов (семь за семь лет!) не могли не способствовать расстройству дел в епархии, на что и рассчитывали власти. Владык вызывали в административный отдел и говорили, что они не имеют права пребывать в городе и должны его покинуть. Четыре последних архипастыря Омско-Павлодарской епархии – архиепископ Алексей (А. С. Орлов), епископ Антоний (А. Н. Миловидов), архиепископ Филипп (В. С. Ставицкий) и Фотий (А. А. Пурлевский) – подвергались арестам, а трое (Алексий, Антоний и Фотий) из них приняли мученическую смерть (в 1937 г. также были расстреляны бывшие предстоятели Омской епархии епископы Аркадий и Герман).

Наиболее ярким в Омске оказался процесс 1931 г., когда было арестовано 23 представителя общин Ильинской и Богородице-Братской церквей по подозрению в создании контрреволюционной монархической организации, якобы ставившей целью контрреволюционную агитацию и свержение существующего строя. Затем число проходивших по этому делу увеличилось до 49 чел. Поводом к арестам стала петиция, переданная старостой Ильин-

ской церкви А. С. Проскуряковым в Итальянское посольство для передачи Папе Римскому, где звучал протест против закрытия церквей на том «законном» основании, что они не уплатили налогов. Храмы действительно были заданы налогами. Так, в 1929 г. был добавлен новый – промышленный, который взяли сразу за два года (за 1928/29 хозяйственный год и авансом за 1929/30). Для Братской церкви это составило 552 руб. Для уплаты налогов собирали пожертвования среди верующих как деньгами, так и продуктами. Проскуряков был отправлен в Москву, чтобы добиться во Всероссийском Центральном исполнительном комитете нерасторжения договоров с общинами омских храмов. Среди арестованных были священники Василий Пляскин, Александр Мирошниченко и др. Нескольких человек осудили на три года лагерей.

16 апреля 1931 г. арестовали настоятеля Ильинской церкви В. В. Федосеева. Протоиерей Василий во время следствия вел себя мужественно и все отрицал. 24 сентября арестовали отца Александра Радонежского, его осудили на три года исправительно-трудовых лагерей. Через десять дней была арестована и осуждена сторож Ильинской церкви Пелагея Онищенко (Анищенко). Пострадали и прихожане храма, в основном монахини. Среди арестованных оказался священник П. В. Олерский (1869–1937), семь раз подвергавшийся арестам.

Богородице-Братская церковь во имя Божьей Матери «Утоли Моя Печали». Из коллекции В. И. Селюка.

Построена в 1906–1908 гг. Епархиальным братством ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения на упраздненном Бутырском кладбище. После разгрома общины в 1930-х гг. была закрыта. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. снесена

Церковь во имя Святого Павла Комельского Чудотворца на Шепелевском кладбище.
Фотография конца 1930-х гг. из фондов ОГИК музея.
Построена в 1902 г. на западной окраине города. Закрыта в начале 1930-х гг. и вскоре снесена

Ильинская церковь во время сноса. *Из личного архива Н. И. Лебедевой.*
Построена в 1789 г. в Ильинском форштадте. В 1920-х – начале 1930-х гг. – кафедральный собор епархии. Снесена в 1936 г.

Так как в первую очередь гонениям подвергались священники тихоновского направления, Богородице-Братская церковь все 1920-е и начало 1930-х гг. находилась в центре внимания репрессивных органов. Это подтверждают аресты настоятеля церкви В. Ф. Инфантьева (1884–1930) в 1921, 1924, 1926 и 1930 гг. Выпускник Казанской духовной академии, благочинный омских городских церквей, член Омского епархиального церковного совета, член Поместного собора 1917 г., отец Василий – один из самых активных православных деятелей епархии, оказывавших большое влияние на епископов, священников, прихожан. Он был осужден 15 марта 1930 г. особой «тройкой» полномочного представительства Объединенного государственного политуправления (ОГПУ) по Сибирскому краю и расстрелян 26 марта 1930 г. в Новосибирске. Вдову отца Василия с детьми поселили в подвале храма. Но органы ОГПУ это не устраивало, и в административный отдел для объяснения вызвали членов совета И. Г. Вятских и Ф. Г. Фокина. Им было предложено выселить вдову и уволить Константина Инфантьева – брата Василия Феофановича, служившего вторым священником в Братской церкви, что и было сделано. Семья была сослана в Кулай, на север Тарского района Омской области, где дети умерли.

Вскоре репрессиям подверглись остальные члены церковного совета. Органами НКВД было сфабриковано дело об антисоветском заговоре, связанном с недовольством верующих непосильными налогами за аренду церковных зданий. Настоятель храма священник К. В. Платонов (1882 – ?) был арестован 16 апреля 1931 г. и осужден на три года исправительно-трудовых лагерей, направлен в Сиблаг. На следующий день арестовали и осудили

на три года ссылки протоиерея А. Д. Мирошниченко (1869–1937). «Контрреволюционную организацию» Братской церкви присоединили к делу Ильинской церкви и к делу о помощи ссыльным священникам. Конечно, после разгрома общины церковь вскоре была закрыта (сейчас на ее месте находится завод им. Н. Г. Козицкого).

Чашу страдания пришлось испытать не только православным священникам. 22 августа 1930 г. был арестован ксендз католического костела в Омске М. М. Бугенис (1890 – ?), уроженец Ковенской губернии, литовец, окончивший три курса римско-католической духовной академии в Петербурге. В 1914–1922 гг. он был викарием католической митрополичьей и приходской церкви Успения Пресвятой Девы Марии и преподавал в Петербургской римско-католической духовной семинарии. В Омск приехал в 1922 г. В мае 1931 г. судебной коллегией ОГПУ он был осужден на 10 лет лагерей. В 1930-е гг. Михаила Бугениса, находившегося на Соловках, поляки обменяли на советского разведчика. Дальнейшая его судьба неизвестна.

1931 г. стал трагическим для прихода церкви во имя иконы Божьей Матери Знамение (Знаменской), так как в марте был арестован настоятель храма В. Н. Пляскин, осужденный на три года ссылки за участие в «заговоре, выразившемся в создании контрреволюционной монархической организации...». Отец Василий – сын священника Иркутской губернии, окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1899 г. и до революции был священником и законоучителем Омской учительской семинарии, состоял редактором «Омских епархиальных ведомостей». Позднее арестовали священника Знаменской церкви К. М. Дюкова.

Ксендз омского католического костела М. М. Бугенис (с 1922-го по 1930 г.) с учащимися и преподавателями училища римско-католического благотворительного общества. Фотография середины 1920-х гг. из личного архива Ю. И. Реснянского

ПРЕДСТОЯТЕЛИ ОМСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Архиепископ Сильвестр (И. Л. Ольшевский; 1860–1920). На Омской кафедре с августа 1915-го по 1920 г. Скончался в заключении

Архиепископ Анатолий (А. В. Каменский; 1863–1924). На Омской кафедре в октябре – декабре 1924 г. В 1922 г. был приговорен к расстрелу, но помилован

Епископ Аркадий (А. П. Ершов; 1878–1937). На Омской кафедре с февраля 1929-го по ноябрь 1930 г. Был арестован в 1931 г., сослан, вновь арестован. В 1937 г. расстрелян

Епископ Алексей (А. С. Орлов; 1862–1937). На Омской кафедре с августа 1931-го по апрель 1935 г. Был арестован в 1935 г., сослан, а в 1937 г. расстрелян

Все фотографии православных священнослужителей предоставлены отцом Дмитрием (Д. И. Олиховым)

В мае 1933 г. было сфабриковано дело группы священнослужителей Крестовоздвиженской церкви. В протоколе № 400 говорилось: «Заседанием Особой тройки от 31 мая 1933 г. к пяти годам концлагерей приговариваются: Домбровский Иван Пафнутьевич, Каешко Василий Евдокимович и Попов Аркадий Александрович – каждый. Погребной Иван Федорович – к лишению права проживания в 12 пунктах Уральской области, Омского округа с прикреплением на три года, считая срок с 30 апреля 1933 г.». Из следственного дела известно место заключения осужденных: Байкало-Амурские лагеря ОГПУ – станция Михайлово-Чесноковская Уссурийской железной дороги. В. Е. Каешко был освобожден из концлагеря 20 января 1937 г. и вернулся в Омск.

17 февраля 1935 г. на заседании Омского облисполкома решилась судьба красивейшего храма города – Успенского кафедрального собора. В повестке дня вопрос стоял шестнадцатым – как не самый важный. Докладывал Э. П. Салынь – начальник Управления НКВД по Омской области. Постановили собор снести, разрешить надстройку двух этажей здания управления НКВД. Кирпич предполагалось, видимо, использовать при надстройке здания Управления Наркомата внутренних дел. Но с первого раза взорвать храм не удалось. Привели заключенных из тюрьмы, и они вновь заложили заряды. Взрыв был настолько сильным, что в домах на ул. Тобольской вылетели стекла. По воспоминаниям очевидцев, на звуки взрыва собрались люди. Многие плакали, молились.

Конституция 1936 г. породила надежду верующих на возврат храмов. Свобода слова и совести понималась как возможность свободно служить и выполнять все обряды. Но работники Наркомата внутренних дел обвиняли свя-

щенников в том, что они компрометируют Конституцию, истолковывают ее в контрреволюционном направлении. Последовала новая волна репрессий. В 1937–1938 гг. оставшиеся на свободе священники и верующие вели борьбу за открытие храмов. Церкви в основном были засыпаны зерном, использовались как склады, реже были заняты клубами или детскими садами.

В 1936 г. приход Крестовоздвиженского храма (священники Токарев и Чуркин) составлял 445 чел., но территория церкви постановлением президиума Омского облсовета от 5 ноября 1936 г. была отдана под строительство школы. Верующие общины Крестовоздвиженской церкви в ответ на постановление подали 18 ноября протест «Центральному комитету РСФСР»; 26 ноября протест был подан и в областной исполком. Принимая решение о сносе церкви, облисполком шел на нарушения, так как с общиной был заключен договор, община условия договора выполняла, и он не был расторгнут. Снос здания в 1936 г. приостановили. Вопрос о сносе церкви ушел в Москву, в Центральный исполнительный комитет (ЦИК), там его долго рассматривали, и, наконец, 25 декабря 1937 г. президиум ЦИК принял постановление в категоричной форме за подписью председателя Центрального исполнительного комитета М. И. Калинина: «Церковь закрыть. Здание снести». Попытки отстоять право на службу в храме не оставались безнаказанными. В 1937-м арестовали священника Крестовоздвиженской церкви Николая Чуркина. В марте 1938 г. арестовали и расстреляли председателя церковного совета И. Ф. Васильева. Общину ликвидировали, церковный актив уничтожили, но здание чудом уцелело.

Закрытие приходской Всехсвятской церкви произошло в феврале 1938 г., хотя еще в 1927 г. приход общины был одним из самых больших в Омске. В храме разместили склад «Водник». В 1938 г. была снесена церковь во имя Божьей Матери «Утоли Мои Печали».

Несмотря на то что в Знаменской церкви молились 66 прихожан, окормлявшихся священником Чижиковым, Куйбышевский райсовет 8 августа 1938 г. принял решение передать здание «на культурные нужды» (в 1940-е гг. в здании была шиномонтажная мастерская, купола и колокольню снесли).

В акте изъятия церковного имущества храма во имя Михаила Клопского, которую по-прежнему называли Галкинской, осенью 1938 г. указаны двухъярусный резной иконостас с 22 иконами и другие иконы, книги, архиерейское облачение, поступившее в 1937 г. В 1940-е гг. в здании храма размещалось общежитие пожарной охраны. С храма сняли главы, разрушили колокольню.

В феврале 1939 г. Куйбышевский райсовет Омска принял постановление о закрытии Параскевиевской церкви, хотя в «Списке религиозных культов по Омску и району» за 1936 г. в этой церкви числилось 320 прихожан,

Успенский кафедральный собор после взрыва. Фрагмент алтарной стены. 1935. Из фондов ГУИСА.
Собор построен в 1898 г., в 1935 г. взорван. Восстановлен в 2007 г.

Всехвятская церковь
в мемориальном сквере
на бывшем Казачьем кладбище
по ул. Куйбышева.
Из фондов МИСО.
Построена в 1859 г.
Закрыта в 1938 г., снесена в 1975-м.
Восстановлена в 2005 г.

за 1937-й – 376 и за 1938-й – 125. Здание церкви решили использовать «на культурные цели».

В июле 1939 г. Омский облисполком утвердил решение Куйбышевского райсовета от 20 апреля этого года о передаче здания Никольской (Игнатовской) церкви, расположенной в восточной части Омска, в поселке Игнатовке, школе № 13 под клуб. В 1940-е гг. здание было в хорошем состоянии, в нем размещался воинский склад.

Дольше других оставалась действующей Никольская церковь в Ленинске-Омском, что неудивительно. Этот храм, хотя имел многочисленный тихоновский приход, был передан обновленцам и стал их собором. А обновленческих священников репрессировали позже, после расправы с тихоновскими церковнослужителями. Окончательный приговор по делу о закрытии храма и его переоборудовании под культурно-просветительское учреждение Президиум Верховного Совета РСФСР вынес 16 ноября 1940 г.

Впрочем, закрывались не только православные храмы. Столь же плачевна в 1930-е гг. была судьба и неправославных конфессий. По распоряжению Омского городского административного отдела исполнительный орган Омской евангелическо-лютеранской общины 9 декабря 1930 г. передал «старые книги, находившиеся до тех пор в лютеранской церкви» (кирхе) в архив (133 книги на немецком языке). В начале 1930-х гг. кирху закрыли, башенка на крыше здания была разобрана. В середине 1930-х гг. был закрыт молитвенный дом Омской общины евангельских христиан-баптистов.

Католическая община Омска несколько лет упорно боролась за здание костела. В октябре 1932 г. постановлением Западносибирского крайисполкома в связи с «...добровольным отказом католического общества от пользования

в дальнейшем зданием костела и культовым имуществом, выразившимся в постановлении общего собрания верующих от 15/VIII – 1932 г., считать молитвенный пункт города Омска ликвидированным, здание передать горсовету для использования на культпросвет цели».

Совет Омского религиозного общества католиков обратил с жалобой в Москву, где говорилось: «...никакого заявления... об отказе от пользования нами костелом не было... В 1932 г. от ремонта не отказывались, не было стройматериалов».

Всероссийский центральный исполнительный комитет прореагировал на жалобу, но ответственный секретарь Омской областной комиссии по вопросам культов написал: «...сообщаем... что костел в ведении Омского краеведческого музея под антирелигиозным отделом... Считаем претензию общины неосновательной и не подлежащей удовлетворению». Община не переставала обращаться с письмами в высокие инстанции, приводя весомые аргументы: костел был построен в 1866 г. на средства повстанцев, высланных сюда за восстание в 1863 г. (на самом деле костел строился на средства действительного статского советника А. Д. Поклевского-Козелл); община регистрировалась ежегодно, здание не требовало ремонта, но изъято; «114 чел. собирается в комнате 7 x 8 м». По данным на 1937 г., в общине католиков было 108 чел., ксендзом указан Я. В. Вольф, в другом списке зафиксировано 98 чел. Костел, естественно, не был возвращен верующим. Какое-то время в нем размещался антирелигиозный музей (был открыт в 1932 г.). В 1934 г. в него передали иконы и богослужебные предметы из Успенского кафедрального собора. Сохранились акты передачи в музей экспонатов в августе 1935 г. и выдачи из него предметов в различные

учреждения в декабре этого же года. Время закрытия музея пока не установлено. 1 августа 1937 г. здесь открылся городской летний театр. В 1965 г. здание разобрали; в 1967 г. на этом месте было построено здание для ТЮЗа.

Существует два дела 1930-х гг. о синагогах. Вероятно, в «Деле о ликвидации молитвенного здания синагоги в г. Омске» речь идет о здании на углу улиц Лагерной (современная ул. Маршала Жукова) и Почтовой. В октябре 1935 г. Омским горисполкомом было принято решение о передаче здания эпидемической больницы, причиной ликвидации синагоги был указан не полностью выполненный ремонт. Вероятно, община продолжала существовать: в списках 1936–1937 гг. указана еврейская община из 21 чел. на ул. Декабристов, 15, в графе «служитель культа» – А. Б. Шертман.

В синагоге на ул. Лагерной, 41 служителем культа в 1936–1938 гг. был назван Маех Мовша Хаимов. Посещало синагогу в этот период от 55 до 72 чел. В архивном деле «Об использовании молитвенного здания еврейской синагоги в Омске по Лагерной ул., № 41» указано, что здание было решено закрыть 13 января 1939 г. и передать под культурные цели. Поводом для ликвидации была необходимость в казарме для работников милиции.

Вслед за расправой с руководителями мусульманской общины уже 7 августа 1937 г. Куйбышевский райсовет принял решение о ликвидации мечети, а в сентябре 1938 г. оно было утверждено облисполкомом. Дело «Об использовании молитвенного здания татарской мечети в г. Омске» можно считать классическим образчиком тактики закрытия культового здания. На общем собрании татаро-казахских жителей города 2 марта 1938 г. присутствовали 52 чел., постановили передать здание под татаро-казахский клуб и библиотеку, и 7 августа постановлением президиума Куйбышевского райсовета мечеть по ул. Декабристов, 116 была передана под культурные цели. В сентябре это решение было подтверждено облисполкомом. Предполагалось открыть в нем национальную библиотеку, однако 15 июня 1939 г. в газете «Омская правда» была опубликована заметка, что здание пустует. На запрос секретаря облисполкома о причине председатель горсовета заявил, что здание подлежит сносу.

В мае 1938 г. президиум Омского областного исполнительного комитета ликвидировал молитвенное здание мусульман (ул. 4-я Восточная, 41). В доме предполагалось разместить 5-й участок народного суда.

Во второй половине 1930-х гг. продолжались репрессии против священнослужителей всех конфессий. Так, 29 ноября 1936 г. в Омске был арестован епископ Омский и Ялуторовский Антоний, осужденный Омским облсудом в марте 1937 г. на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Вместе с епископом отправили в лагеря еще шесть священников (подробно о деле епископа А. Н. Миловидова см. в очерке «Общественная жизнь и политические ре-

прессии (1930-е гг.)» в разделе «Дело об Омском епархиальном братстве»). Немного позднее арестовали протоиерея церкви во имя Михаила Клопского (Галкинской) А. И. Мефодьева (1880–1937) и протодьякона С. П. Цыбина. После пятилетней ссылки в Туруханский край 29 ноября 1936 г. вновь арестовали в Омске священника П. В. Олерского. В 1937 г. в марте его осудили на семь лет лагерей, а 9 ноября расстреляли.

Подвергались репрессиям и служители других конфессий. Мулла татарской общины по ул. Декабристов, 116 (253 чел. в 1936 г., 302 – в 1937-м) и мусульман прихода по ул. Обозной, 24 (88 чел.) Х. В. Бекбаева (1883–1937) арестовали 4 июля 1937 г., а 31 июля – сторожа Соборной мечети Ю. С. Ибрагимов (1886–1937). Они были осуждены «тройкой» Управления НКВД 25 октября 1937 г., а через четыре дня расстреляны.

В середине 1930-х гг. многие евангельские христиане-баптисты были осуждены по статье 58 Уголовного кодекса. Профессор В. М. Самосудов, выявляя граждан, осужденных в 1937–1938 гг. по политическим делам, обнаружил среди них значительное число баптистских проповедников и верующих-баптистов. К расстрелу приговорен, например, Ф. А. Маслов (1875 г. р.) из Любинского района, которому предъявлено обвинение в установлении связи с контрреволюционным баптистскими группами Омска.

По данным оргинструкторского отдела Омского облисполкома, к 1 января 1937 г. в области было 166 церквей и 170 священников, из них в Омске 15 культовых зданий и 46 «попов». Но этим цифрам противоречат данные «Списков религиозных культов по гор. Омску и району»: в городе и в районе по шесть церквей, культовых зданий других конфессий – 12. Священников зарегистрировано всего несколько человек.

В 1938 г. в Омске началось описание церковного имущества. Все описанное хранилось на складах Омского драматического театра и в спецотделе горсовета. На складах и уничтожали «ненужное». Так, 20 мая здесь были сожжены 259 деревянных икон, 26 рам для икон, 219 церковных книг, восемь Евангелий Крестовоздвиженской церкви. 7 декабря перекололи на дрова большой деревянный крест, 166 икон, распятия Христа, остатки иконостаса, а также сожгли церковные книги, аналои церковного алтаря, Евангелия в футляре церкви во имя Святого Михаила Клопского (Галкинской).

25 мая 1939 г. в Омске открылась первая областная конференция Союза воинствующих безбожников. К этому времени в области были ликвидированы почти все служители религиозных культов и культовые здания, а Омско-Павлодарская епархия фактически прекратила свое существование еще в 1937 г. Причем к началу Великой Отечественной войны на территории Сибири были закрыты все церкви.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла коррективы в государственно-церковные отношения. Патриотическая работа духовенства и верующих, их стремление помочь стране в трудные годы заставили И. В. Сталина и его окружение пойти на принятие ряда законов о Русской православной церкви. В частности, принимается постановление Совнаркома СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей».

С 1939-го по 1942 г. на территории Сибири не было ни одного правящего архиерея. Первым правящим архиереем Сибирским после четырехлетнего упразднения церковного правления был епископ Лука (Войно-Ясенецкий), находившийся с 1937 г. в ссылке на территории Красноярского края. С 1939-го по 1942 г. он являлся единственным архиереем Сибири, который мог совершать таинства, в том числе рукополагать в священный сан. Вторым иерархом, назначенным в Сибирь, с 1943 г. был архиепископ Варфоломей (Городцев), ему было вверено и окормление Омской епархии. В 1946 г. на территории Сибири в числе трех воссозданных епархий действовала Омско-Тарская.

Еще до постановления от 28 ноября 1943 г. общине верующих Крестовоздвиженской церкви удалось получить назад свой храм и зарегистрировать Крестовоздвиженское религиозное православное общество, которому передали здание по ул. Тарской; находившееся в нем общежитие кожно-обувной фабрики было переведено в другое помещение. Весной 1944 г. церковному совету разрешено было пользоваться во время праздников небольшими колоколами.

После принятия Совнаркомом СССР постановления «О порядке открытия церквей» в местные органы власти пошел поток заявлений верующих о возвращении им храмов. Райисполкомы сразу начали чинить препятствия осуществлению правительственного постановления, задерживая решение о предоставлении здания на несколько месяцев.

В информационном докладе уполномоченного по делам Русской православной церкви по Омской области указано, что за время с 1 декабря 1943 г. по 20 апреля 1944 г. было подано 25 заявлений с ходатайством религиозных общин о предоставлении им зданий, а рассмотрено только восемь, причем все были отклонены. В Ленинском районе райсовет отказал верующим в возвращении церкви и передал здание под клуб завода № 174. Окончательное решение было вынесено Советом по делам Русской православной церкви. Храм был передан верующим. В 1944 г. верующие Куйбышевского района Омска обратились с просьбой об открытии Параскевиевской (Шкроевской) церкви, но 28 апреля горсовет вынес заключение о нецелесообразности открытия церкви, а облисполком 3 мая утвердил отказ. Таким образом процесс открытия храмов был в большей мере декларирован, чем осуществлен. Он проходил в очень скромных масштабах и в условиях жесточайшего давления на верующих, являвших гражданское мужество

при подаче заявлений. Представители верующих в большинстве случаев, ходатайствуя об открытии церквей, заявляли, что, кроме богослужений о даровании побед Красной армии над врагом, они будут производить сбор денежных средств в фонд обороны страны. И несмотря на экстремальную ситуацию и жесткий контроль, верующие внесли в фонд обороны от Омской церкви 100 тыс. руб., также ими были собраны и закуплены вещевые подарки к 26-й годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. Мусульмане Омской области пожертвовали 34 тыс. руб.

В начале мая 1944 г. церковным Советом Крестовоздвиженской церкви была направлена телеграмма И. В. Сталину с просьбой принять на бронетанковую колонну 100 тыс. руб., подписанная настоятелем церкви протоиреем Ф. Т. Токаревым и председателем церковного Совета. 15 мая в адрес Токарева был направлен ответ Сталина: «Прошу передать духовенству и верующим г. Омска Патриаршей Православной церкви, собравшим 100 тыс. руб. на строительство танковой колонны, мой привет и благодарность Красной армии». Телеграмму и ответ опубликовали в газете «Омская правда» только 27 мая.

С января по август 1944 г. в фонд обороны верующими и духовенством Крестовоздвиженской и Никольской церквей было передано 185,3 тыс. руб., а также вещевые подарки и 15 тыс. руб. больным и раненым, находившимся в госпиталях. А за период с начала 1943-го по 1 октября 1944 г. в Крестовоздвиженской церкви в фонд обороны было собрано 205 тыс. руб., вещевые подарки более чем на 3 тыс. руб. и 15 тыс. руб. для госпиталей.

Крестовоздвиженская церковь стала собором возрожденной Омской епархии, управлявшейся архиепископом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем Городцовым с 1943-го по 1946 г. В лоно Церкви приходили участники боевых действий и интеллигенция. Например, в Омске был рукоположен в дьяконы Григорий Красноцветов, работавший в омском военном госпитале, и другие священники. Среди верующих распространялись письма «из Иерусалима» и «от Христа». В омской церкви говорили: «Как стали открывать церкви и Богу молиться, так Красная армия стала одерживать победы»; «Вот теперь создали Совет по делам Русской православной церкви, значит, Русская православная церковь будет государственной и в школах будут преподавать Закон Божий».

Но обком ВКП (б) не терял бдительность, отдел пропаганды и агитации разворачивал антирелигиозную работу. Так, в середине 1944 г. власти приняли соответствующие меры против служителей Крестовоздвиженской церкви за «подделку нуждающимся гробов... из церковных материалов».

Возвращение верующим храмов шло медленными темпами. Только после решения Совета по делам религии при Совнаркомом СССР в конце 1944 г. открыли Никольскую

церковь в Ленинском районе (ее прихожане сразу внесли 1 тыс. руб. в фонд обороны). В государственные органы продолжали поступать заявления верующих об открытии Всехсвятской и Параскевиевской церквей, на которые следовали отказы.

Всего за 1943–1945 гг. в Омской области было открыто две церкви и два молитвенных дома, зато пожертвования верующих составили несколько сотен тысяч рублей. Таким образом, именно в экстремальных условиях войны начинается возрождение духовности, а открытие храмов ведет к возрождению традиций благотворительности.

В послевоенный период епархиальные центры разместились в трех городах включая и Омск – Омско-Тюменская епархия, архиепископ Алексей (Пантелеев). К середине 1947 г. в городе действовали только Крестовоздвиженский собор и Никольская церковь. В этих храмах вместе с тремя церквями и молитвенным домом в Омской области числилось 15 священнослужителей. В Омске существовала и баптистская община (около тысячи верующих), но молитвенные собрания она проводила в частных зданиях, так как ей отказали в предоставлении помещения.

Серьезные сомнения вызывает статистика в отчетах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, отмечавшего посещаемость омских церквей по 300–400 чел., число указанных крещений в Крестовоздвиженской церкви – 1 300 чел. в 1946 г. и 400 за три квартала 1947 г., а в Никольской – 650 и 302 соответственно. Самым ярким показателем посещаемости является доходность церквей, а она составляла 2,2 млн руб. в 1946 г., 2,7 млн руб. за три квартала 1947 г. в Крестовоздвиженском соборе и 1,5 млн руб. и 2 млн 147 тыс. руб. в Никольской церкви. Эти показатели были самыми высокими в СССР; даже по Московской области они в среднем составляли 165 тыс., а по Ленинградской – 375 тыс. руб.

В декабре 1948 г. в Омск вернулся после заключения владыка 1938–1939 гг., епископ Палладий (П. А. Шерстянников). Он навел порядок в епархии, к которой были присоединены в мае 1947 г. приходы Тюменской области, привлек в церковь и хор молодежь, при нем увеличилась посещаемость храмов. Например, в воскресные дни верующие даже стояли во дворе Крестовоздвиженской церкви. Архиепископ пользовался столь высоким авторитетом верующих и духовенства, что во время его перевода в Иркутскую епархию 800 чел. поставили подписи под ходатайством в Московскую патриархию об оставлении его в Омской епархии. Количество крещений в 1948 г. возросло до двух тысяч в Крестовоздвиженском и полутора тысяч в Никольском храмах, участились случаи крещения взрослых; число посещавших в праздники богослужения возросло до 1 500 чел. В январе 1949 г. в Тюмени был приобретен 72-пудовый колокол, поднятый на колокольню Крестовоздвиженской церкви.

Отметим факт распространения слухов о скором закрытии церквей в 1949 г., вероятно связанный с новой волной репрессий в стране. Так, в январе 1950 г. органами Министерства госбезопасности был арестован настоятель Крестовоздвиженской церкви священник П. Г. Чернявский.

В начале 1949 г. архиепископом Омским и Тюменским был назначен Ювеналий (И. К. Килин). Посещаемость храмов в 1950-е гг. увеличилась; в пасхальные дни в Крестовоздвиженской церкви присутствовало более трех тысяч верующих, а в Никольской – 2 000–2 300. Деятельный, энергичный, несмотря на преклонный возраст, владыка Ювеналий уделял много времени приему посетителей, стремился бывать в сельской местности. Поэтому власти считали его «лицом, безусловно, антисоветски настроенным, а в отдельных своих поступках и опасным». По рекомендации уполномоченного владыке пришлось отказаться от намеченного посещения приходов епархии, чтобы не отвлекать «людей от полевых работ». В 1952 г. Ювеналия переводят из Сибири в другую епархию, а епархию возглавил отец Никандр (Н. Ф. Вольянников). С 1952-го по 1962 г. трижды временно управляющим Омско-Тюменской епархией назначался проживавший в Омске на покое епископ Венедикт (В. В. Пляскин), отличавшийся строгостью и ревностным отношением к «Божественной службе и Церкви». Обладая бескомпромиссным характером, епископ навлек на себя немилость уполномоченного, так как, совершая поездки по епархии, он даже не спрашивал разрешения, хотя в то время это была необходимая формальность. В результате в 1962 г. Священный Синод освободил епископа от управления епархией. В 1950–1960-е гг. епархией управляли владыки Вениамин (С. В. Новицкий), Мстислав (Д. И. Волонсевич), Сергей (С. И. Ларин), Ермоген (А. С. Голубев), Иларион (Н. И. Прохоров).

Судьбы отобранных у верующих культовых зданий грустны. В 1958 г. во время строительства дома по ул. Спартакской снесли Вокресенский собор. Его библиотеку передали в краевой музей, судьба иконостаса и икон трагична. «Вообще-то в отношении антирелигиозной пропаганды у омичей есть чему поучиться, – с горечью заметил омский историк, краевед А. Ф. Палашенков. – В свое время полбольшого зала краеведческого музея был сплошь заставлен иконами, ликами кверху. В результате такого мероприятия погибла хранившаяся в Омском кадетском корпусе... суворовская икона, принадлежавшая отцу великого полководца, а также ряд интересных икон... Военного собора...»

В конце 1950-х гг. была снесена церковь во имя Михаила Клопского (Галкинская). В Никольской (Игнатовской) церкви открыли кинотеатр «Экран». В здании Параскевиевской церкви разместили клуб и библиотеку общества слепых. В конце 1960-х гг. была снесена мечеть на проспекте К. Маркса. Сейчас на ее месте жилой дом с магазинами в двухэтажной пристройке.

Кинотеатр «Победа»
(бывшая Никольская
казачья церковь).
Фотография 1940-х гг.
из фондов ГУИСА

Памятник В. И. Ленину
на месте Ильинской церкви.
Фотография 1950-х гг.
из фондов ГУИСА

Госпитальная церковь
во имя иконы Божьей Матери
«Всех скорбящих Радости»
после ремонта
(ул. Гусарова, 4, кор. 3).
Из фондов МИСО

В конце 1970-х гг. горела и была снесена синагога в начале Лагерной улицы. Вторая синагога – по ул. Почтовой, 31 долгое время функционировала как Дом санитарного просвещения.

Здание Никольского казачьего собора занимали различные учреждения: в конце 1930-х гг. детский сад, с 1934 г. клуб строителей им. Степана Халтурина, в годы войны проектно-монтажный институт, затем конструкторское бюро Туполева и амбар, в 1940–1950-е гг. кинотеатр «Победа», затем управление культуры, музыкальная школа... Кровля купола и колокольня были разобраны, над трапезной и притвором надстроен третий этаж. В 1970 г. появилось решение горисполкома о сносе здания Никольской казачьей церкви, однако против его разрушения выступили художник К. Н. Щекотов, заведующий отделом культуры горисполкома В. Чернышев, управляющий трестом Б. Карасиков и архитектор М. М. Хахаев. В 1974 г. фасад здания отремонтировали, постановлением Совета министров РСФСР оно было взято на государственную охрану. Окончание реставрации ознаменовали установлением 12 июля 1983 г. крестов. С 1983-го по 1998 г. в храме находился орган, причем в 1990-е гг. зданием совместно пользовались Омско-Тарская епархия и филармония. В нем, наряду с богослужениями, проходили миротворческие, межконфессиональные и другие конференции, благотворительные концерты, круг Сибирского казачьего войска, работала воскресная религиозно-нравственная школа.

К 1980-м гг. были снесены костел и мечеть; остальные церкви изменили функциональное назначение и были изуродованы. На месте храмов часто ставились памятники В. И. Ленину. Данный выбор закономерен, так как язык архитектуры сложнее для восприятия, чем язык скульптуры. В Омске памятники вождю пролетариата возвели на месте Ильинской, Троицкой церквей, а также там, куда предполагалось перенести Иверскую часовню.

Но в то же время в связи с грядущим великим юбилеем – 1000-летием Крещения Руси местные власти разрешили провести реконструкцию церковных зданий, некоторые из них были взяты на учет как памятники архитектуры. Так, в 1980 г. была взята на учет решением облисполкома № 239/10 Крестовоздвиженская церковь как памятник архитектуры местного значения. В 1984 г. позолотили главы и декор на ее куполах. В 1989 г. к зданию пристроили два придела по проекту архитектора В. А. Баранова.

Тем же решением областного исполкома были взяты на государственную охрану как памятники архитектуры местного значения здания Скорбященской и Николо-Игнатьевской церквей; здание церкви во имя иконы Казанской Божьей Матери признано памятником истории и культуры местного значения. В июле 1990 г. его передали верующим и отремонтировали, в нем устроили иконостас и начали проводить богослужения.

В 1980 г. было взято на государственный учет как памятник архитектуры здание кирхи. Решением облисполкома 25 мая 1989 г. поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры здание по ул. Звездова, 1. В декабре этого же года оно было возвращено общине евангельских христиан-баптистов и вскоре отреставрировано. 22 января 1990 г. было поставлено на государственный учет как памятник деревянного зодчества здание синагоги. В 1991 г. его передали иудаистской общине, позже отреставрировали.

В 1980-е гг. в Омской области по-прежнему было три храма и три молитвенных дома. Официальные данные свидетельствуют о довольно значительном количестве верующих в области. Максимальное число учтенных верующих всех конфессий в первой половине 1980-х гг. – 6 061 чел. Но эта информация представляется все же недостоверной, так как в 1982 г. только крещений произошло 4 663, а отпеваний в 1980 г. было 7 503. И это несмотря на то, что даже за посещение церкви людей могли уволить с работы. Относительно спокойное существование Русской православной церкви в Омско-Тюменской епархии обеспечивалось огромными для столь обескровленной епархии пожертвованиями в Фонд мира. В 1981 и 1982 гг. было перечислено по 20 тыс. руб., в 1983 г. – 35 тыс. Из 80 тыс. руб., пожертвованных всеми конфессиями в 1984 г., 74,5 тыс. руб. внесли православные.

В Омской области существовало 56 зарегистрированных общин (всего – 99), в том числе: евангельских христиан-баптистов – 18 (25), лютеран – 19 (28), меннонитов – 6 (23), адвентистов седьмого дня – 2 (2), католиков – 2, мусульман, молокан, иеговистов, иудеев по одной. Все эти общины размещались в частных домах. С конца 1980-х гг. в регионе появились религиозные структуры различных направлений неоориентализма (региональное отделение Международного общества Сознания Кришны, буддийская община «Тара Дхарма-Центр», Ведический университет Махариши и т. д.). Как правило, эти группировки были немногочисленны, но весьма активны.

Годы с 1986-го можно назвать временем возрождения Омского Прииртышья. Благодаря активной деятельности на Омско-Тюменской, а с 1990 г. и на Омско-Тарской кафедре митрополита Омского и Тарского Феодосия при активной поддержке губернатора Омской области Л. К. Полежаева епархии, первой в Московской патриархии, не только были возвращены здания храмов, но практически в каждом райцентре появились вновь воздвигнутые. К торжественным праздникам в честь 1000-летия Крещения Руси в 1989 г. в северной части Омска возвели первую новую церковь – Всех Святых в земле Сибирской просиявших. В течение 1990–1991 гг. почти все сохранившиеся церкви были юридически закреплены за Омской епархией, синагога – за иудейской общиной, молитвенный дом баптистов – за общиной евангельских христиан-баптистов.